

АДАПТАЦИЯ ЮНКЕРОВ-КРЕСТЬЯН К УСЛОВИЯМ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

Военно-революционный период истории Омска (1914–1917 гг.) в силу известных событий входит в число наиболее актуальных тем не только для академических специалистов, но и для широкой общественности. Цель данного исследования — при помощи военной антропологии охарактеризовать меры военного руководства Российской империи по культурной адаптации юнкеров-крестьян к условиям городской среды (на примере Омска). Источниковой базой для исследования послужили ведомственные отчеты, нормативно-инструкционные и делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Исторического архива Омской области. В результате исследования было установлено, что основной мерой по культурной адаптации юнкеров-крестьян являлась инструкция, которая с «педаanticной точностью» регламентировала их «обиход и обязанности».

Ключевые слова: социальная адаптация, крестьянство, военная антропология, Первая мировая война, офицерство, юнкера, Омск.

Постановка проблемы. В годы Первой мировой войны значительная убыль кадрового офицерского состава Русской императорской армии привела к тому, что подавляющую часть ее офицерского корпуса составили офицеры военного времени, абсолютное большинство из которых являлись выходцами из крестьянского и мещанского сословий бывшей Российской империи, а также не вполне юридически оформленной к началу XX в. категории разночинцев. «Во многом, — как пишет С. В. Волков, — это был уже совсем другой офицерский корпус, однако нельзя сказать, что он чем-то принципиально отличался от довоенного: традиция воспитания офицера не прерывалась и новые офицеры в большинстве усваивали традиционные представления и ценности» [1, с. 273]. Вопрос заключается в том, какие конкретные шаги предпринимало военное руководство бывшей Российской империи по культурной адаптации юнкеров-крестьян к условиям городской среды, учитывая, что по своим культурным доминантам бытовые традиции офицерства соотносились с правилами привилегированных горожан.

Цель статьи — при помощи военной антропологии охарактеризовать меры военного руководства бывшей Российской империи по культурной адаптации юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны на примере Омска. Как показывает опыт работы современных омских площадок публичной истории, жизнь города в военно-революционный период 1914–1917 гг. входит в наиболее актуальные для специалистов темы, превалируя над иными академическими проблематиками [2].

Отметим, что проблема, к которой мы обратились, в силу ее специфики до сих пор не нашла своего решения в историографии. Классические труды и новейшая исследовательская литература только обозначают эту проблему. «Кроме того, учитывая особенности контингента школ, приходилось просто обучать юнкеров правильно говорить, здороваться, соблюдать элементарные нормы гигиены. Для некоторых из них все эти вещи действительно представляли серьезную проблему» [3, с. 73–74]. «Оставлял желать лучшего культурный уровень обучающихся» [4, с. 82]. Отчасти решает указанную проблему О. В. Гефнер, публикации которой посвящены вопросам аккультурации нижних чинов-новобранцев во второй половине XIX — начале XX вв. [5–7].

Источниковая база данного исследования — комплекс источников, который составили ведомственные отчеты, нормативно-инструкционные и делопроизводственные материалы (из фондов РГВИА, ИАОО), большая часть из которых впервые вводится в научный оборот. Вспомогательную роль сыграла художественная литература (И. А. Бунин, Н. А. Клюев).

Опора на данные источники позволила дать сословную характеристику слушателей 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты в динамике (май–октябрь 1916 г.), обозначить меры военного руководства Российской империи по культурной адаптации юнкеров-крестьян к условиям города в годы Первой мировой войны.

Основная часть. И. А. Бунин в своей мемуарной прозе «Окаянные дни» дал резко отрицательный образ крестьянства — сословия, составлявшего

в начале XX в. основную массу населения Российской империи (4/5). «Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка — и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, подымайся, рабочей народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин *чувашикие, мордовские*, у мужчин, все как на подбор *преступные*, иные прямо *сахалинские* (курсив авт. — А. С.).

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: "Save furem". На эти лица ничего не надо ставить, — и без всякого клейма все видно. <...> И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, маковыми плитками, папиросами. Восточный крик, говор — и какие все мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие. <...> А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...» [8, с. 291, 299, 375].

Совершенно иной — противоположный этому — образ — у представителя новокрестьянской поэзии Н. А. Клюева. В его поэтическом творчестве крестьянин — это одухотворенный носитель целомудрия и аскезы, силы (в том числе и физической) и нравственной правды. «Ты всё келейнее и строже, / Непостижимее на взгляд... / О, кто же, милостивый боже, / В твоей печали виноват?» [9, с. 227]. «На мне убогая сермяга, / Худая обувь на ногах, / Но сколько радости и блага / Сквозит в поруганных чертах. / В мой хлеб мешаете вы пепел, / Отраву горькую в вино, / Но я, как небо, мудро-светел / И неразгадан, как оно» [9, с. 221]. «Богатырь душой, певник розмыслом, / Раздружил я с древним обликом» [9, с. 290]. «Колобы будут с начинкой, / Парень матёр и высок» [9, с. 313].

Б. Н. Миронов — авторитетный специалист в области социальной, экономической и демографической истории России, в своем исследовании, ссылаясь на ряд информаторов, отмечает, что в результате эмансипации (реформы 1860-х гг.) в крестьянских общинах, особенно в тех, которые имели, благодаря т.н. отходникам, тесные связи с городом, обнаружилось чувство личности, что выражалось в падении «нравственности, дисциплины» (курсив авт. — А. С.), покушениях на помещичью собственность, неуважении к родителям, участвовавшим семейных разделах, росте пьянства, ослаблении уважения к церкви и религии» [10, с. 335].

Дисциплине в нашем исследовании следует уделить особое внимание. Своеобразным индикатором здесь является ориентированная в первую очередь на крестьянскую аудиторию лубочная литература, в которой вплоть до конца XIX в. свобода и порядок рассматривались как альтернативные категории: либо свобода, либо порядок. Традиционно этот конфликт персонафицировался в разбойнике, который восстает против власти и посредством бунта добивается свободы. В начале XX в. ситуация меняется — герой свободен, но он не стоит вне общества, как разбойник, и не страдает комплексами одиночества и вины, а живет полноценной жизнью и пользуется уважением общества. Очевидно, что подобная «беллетристика» не только формировала, но и отражала ценностные установки значительной части крестьянства [10, с. 335].

В русле нашего исследования стоит подчеркнуть, что крестьянская община сопротивлялась проникновению светской, буржуазной культуры в свою среду. Даже отходникам в условиях городской среды благодаря институту землячества удавалось в значительной мере сохранить традиционный крестьянский менталитет. «Крестьяне, — указывает Б. Н. Миронов, — особенно энергично, используя разные средства, защищали свой уклад жизни, свои традиции, так как они в массе негативно относились к новой культуре» [10, с. 338].

Но с началом Первой мировой войны значительная часть населения Российской империи — в первую очередь крестьянство — была мобилизована. Военный совет — высший орган по военно-хозяйственной и военно-законодательной части в Российской империи, — учитывая увеличившиеся потребности боевых частей — в первую очередь пехоты — в командном составе, принял решение о реализации замысла Главного управления Генерального штаба начала 1910-х гг. об открытии школ для ускоренной подготовки офицеров. Всего к 1 января 1917 г. военно-сухопутные силы Российской империи располагали 38 школами прапорщиков.

Это был своеобразный ersatz, суррогат традиционным военно-учебным заведениям — военным училищам. Их выпускники — молодые люди в чине прапорщика — не могли пользоваться правами офицеров действительной службы, не производились в штаб-офицерские чины и по демобилизации армии увольнялись в ополчение или запас.

Возвращаясь к основной теме — крестьянству — следует сказать, что с течением Первой мировой войны состав офицерского корпуса Русской (императорской) армии стал практически идентичен сословному составу населения страны. В исследовательской литературе отмечается, что большинство слушателей ускоренных курсов школ прапорщиков составляли мещане и крестьяне [1, с. 272]. С. В. Волков, основываясь на случайной выборке слушателей первой очереди 4-й Петергофской школы подготовки прапорщиков пехоты (15 августа 1915 г.), указывает, что из 247 человек 72 являлись мещанами, а 123 — крестьянами [1, с. 353]. Последние, как мы видим, преобладали.

Даже если приведенная выше цитата И. А. Бунина является злым пасквилем, а стихи Н. А. Клюева — благодушными руладами, очевидно, что были необходимы определенные усилия для культурной интеграции известной части крестьянства в офицерскую среду. Город, в свою очередь, являлся основным «полем» профессионального военного образования. И таким «полем» в нашем исследовании будет являться Омск.

Здесь, в административном центре Степного края, Акмолинской области и Омского военного округа, 12 ноября 1915 г. и 27 февраля 1916 г. соответственно были открыты 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты.

Подобно С. В. Волкову, мы в нашем исследовании, основываясь на архивных документах, хотели бы привести сословную характеристику слушателей 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты в динамике (табл. 1).

Как мы видим из этих расчетов, представители крестьянства в стенах омских школ прапорщиков на протяжении 1916 г. практически везде преобладают с большим отрывом.

В любом случае, юнкера-крестьяне, а это была по преимуществу молодежь (Б. В. Адамович в сво-

Словесный состав 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты (май – октябрь 1916 г.) [23–34]

Военно-учебное заведение, дата производства	Дворяне	Дети офицеров и чиновников	Почетные граждане	Духовенство	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие	Всего
1-я Омская школа прапорщиков (10.05.1916)	1	3	1	2	1	22	21	—	51
2-я Омская школа прапорщиков (27.05.1916)	1	4	2	3	1	27	43	—	71
1-я Омская школа прапорщиков (10.09.1916)	3	6	2	3	—	49	95	2	160
2-я Омская школа прапорщиков (4.10.1916)	4	6	1	4	—	22	37	1	75

ем отчете отмечал, что в 1-й и 2-й Омских школах прапорщиков на март 1916 г. был самый высокий процент лиц, моложе 25 лет — 81 и 73 % соответственно), был контингент, с которым надо было работать [11, с. 94].

И здесь в качестве примеров девиации стоит привести выдержки их приказов по (1-й) Омской школе подготовки прапорщиков пехоты о проступках юнкеров. «Командир 1[-й] роты вверенной мне школы рапортом от 18 марта с/г. за № 331 донес мне, что юнкер 1[-й] роты казак 2 сотни Владимир Лебедев в час дня 27 сего марта самовольно отлучился и явился только к проверке. На вопрос курсового офицера, почему он отлучился, юнкер Лебедев ответил, что ввиду отъезда шурина он рискнул пойти проводить его.

Ввиду вообще *гурного поведения* (курсив авт. — А. С.), а также неуспешности в занятиях юнкер Владимир Лебедев за самовольную отлучку исключается мною из числа юнкеров школы с откомандированием в свою часть» [12, л. 186].

«Обучающийся 2-й роты вверенной мне школы Иван Скоцкий при возвращении взвода 29 января с/г со строевых занятий в присутствии помощника курсового офицера прапорщика Мультиановского, который шел впереди взвода, позволил себе махать из строя рукой и улыбаться по адресу стоявших на панели барышень и на замечание товарищей по приходе в роту отнесся к ним пренебрежительно и в высшей степени дерзко <...>».

За время пребывания в школе обучающийся Скоцкий обратил на себя внимание своей излишней развязностью и даже критикой ротного порядка» [12, л. 49 об.].

«Дежурный офицер по школе прапорщик [Василий] Гаенко, рапортом от 11-го Апреля с/г за № 4/356, донес мне, что 10-го сего Апреля, когда юнкера были построены за стол к обеду, после поданной команды «смирно» юнкер 2-й роты Владимир Бабкин рассмеялся и сделал движение.

После молитвы и команды дежурного офицера «садиться» юнкер Бабкин продолжил смеяться и что-то проговорил на замечание дежурного офи-

цера, почему он смеется, юнкер Бабкин ничего не ответил» [12, л. 183].

Разумеется, эти проступки обучающихся не были критичны, но они далеко не соответствовали идеалу кадрового офицера.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что среди обучающихся каждой школы прапорщиков имелась в обращении особая инструкция, «с педантичной точностью регламентирующая обиход и обязанности» [11, с. 54; 13–20]. Она являлась основным руководством для формирования их культурных навыков. Существовали они и в 1-й и 2-й Омских школах прапорщиков.

Стоит отметить, что в Историческом архиве Омской области в рамках Приказа № 63 от 1 марта 1916 г. по (1-й) Омской школе прапорщиков были опубликованы фрагменты подобной инструкции, относящейся к 1916 г. [12, л. 109–109 об.]. Полноценный вариант инструкции, уже относящийся к осени 1917 г., выработанный особой комиссией под председательством генерал-майора А. Н. Рыбакова и имеющий соответствующие времени демократические основания, отложился в Российском государственном военно-историческом архиве [20]. Он будет являться основным источником для характеристики мер по адаптации юнкеров-крестьян к условиям города и — шире — к культурной среде, в т.ч. культурной среде офицерства.

«Дисциплина прежде всего» было прописными буквами напечатано на одной из первых страниц инструкции. «Юнкера, — отмечалось далее, — должны твердо помнить, что служебные требования, предъявляемые к ним должностными лицами, должны быть исполняемы точно и беспрекословно, ибо того требует порядок и разумная дисциплина. <...> Неисполнение требований должностного лица и оскорбление его подвергает виновного взысканию и даже приданию суду» [20, л. 40].

Инструкция содержит такие разделы, как «II. Общие положения», «III. Общие обязанности юнкеров», третий по счету раздел — общий — с подразделами и т.д. Первый из них — II. Общие положения — касается общих вопросов работы школы: ее

статус и статус обучающихся, продолжительность курса, критерии успешной аттестации и т.п. Второй раздел — III. Общие обязанности юнкеров — в целом можно охарактеризовать как ряд соответствующих военному времени нравственных аксиом. «Юнкера обязаны соблюдать...», «Юнкера должны осознать...», «Юнкерам воспрещается...» Третий раздел — общий. Условно в нем можно выделить две предметные части. Первая из них включает такие разделы, как «Обязанности дежурного по роте», «Обязанности дежурного по приемному покою», «Обязанности дежурного по кухне» и т.п. Они касаются обязанностей обучающихся в различных статусах — дежурного по роте, приемному покою, кухне и т.п. Интерес для нас представляет вторая часть этого раздела, которая касается вопросов быта и общежития обучающихся. И здесь можно выделить два характерных в отношении уровня культуры крестьянской общины подраздела. Это «Соблюдение чистоты и опрятности» и «Увольнение в отпуск». «Соблюдение чистоплотности и опрятности, а вместе с ними и аккуратности, — гласил первый из них, — вменяется в непременную обязанность юнкерам» [20, л. 45 об.]. Им предписывалось: содержание ног в чистоте; еженедельная смена белья; иметь при себе годные для употребления носовые платки; утром и вечером чистить зубы или полоскать рот водой и т.п. Подраздел «Увольнение в отпуск» помимо прочего гласил, что юнкера, где бы они ни находились, должны отличаться «корректностью, вежливостью, предусмотрительностью и тактичностью, помня всегда, что лучшим украшением юнкера[-]гражданина является скромность» [20, л. 45 об.].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сказать следующее. Общее впечатление от этой и, следуя аналогии, других инструкций — это их заурядность, обыденность и совершенное соответствие тому объективному уровню культуры крестьянской общины, который представляет Б. Н. Миронов. Это не антропоморфные персонажи И. А. Бунина, которым любая инструкция была бы бессильна что-либо противопоставить; это не сусальные герои стихотворений Н. А. Клюева, образу которых вполне могли бы соответствовать опрятность в быту, физическая и нравственная чистоплотность. Очевидно, что приведенные нами подразделы («Соблюдение чистоты и опрятности», «Увольнение в отпуск») тенденциозны в силу устоявшегося стереотипа и отражают лишь одну сторону дела.

Инструкция имела целью не только сообщить обучающимся, большинство из которых являлись выходцами их крестьянской среды, особенности личной гигиены, но и ее нравственный императив, долженствование, дисциплинированность.

Цель создания 1-й и 2-й Омских школ подготовки прапорщиков пехоты была четко обозначена в разделе Инструкции «II. Общие положения» — «подготовить в кратчайший срок учащихся в школе к поступлению в ряды нашей доблестной армии в качестве *офицеров* (курсив авт. — А. С.)» [20, л. 38 об.]. Дополнения излишни. Традиционно даже в обыденном сознании статус офицера ассоциируется с честью, достоинством и пр., которые не могут существовать без определенных этических и эстетических предпосылок. Всеми этому и старалась научить новая военная школа, существование которой было обусловлено разразившейся мировой войной.

Успех этих усилий, хоть и половинчатый в силу известных событий (Гражданская война), — налицо. 1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты в годы Первой мировой войны выпустили более 4 000 офицеров военного времени — прапорщиков. Те, кто не мог соответствовать этому званию, еще на этапе обучения, как мы увидели из приведенных приказов, «отсеивались». Кроме того, известно, что из командированных в 1-ю Омскую школу прапорщиков 437 слушателей (вторая очередь), 10 мая 1916 г. ее окончили 378 человек [12, л. 78; 21, с. 42]. Итого 13,5 % от общего количества было «отсеяно». Это может говорить о достаточно обстоятельном подходе на «местах», т.е. в запасных частях, при выборе кандидатур на офицерское звание; о достаточной строгости школьного начальства, сообразующегося с потребностями фронта; о достаточно высоком уровне крестьянской культуры в целом, коль скоро, по утверждению С. В. Волкова, офицерский корпус «практически стал соответствовать составу населения страны» [1, с. 272]. А она, как мы помним, на 4/5 состояла из крестьян.

В конце концов эти меры военного руководства Российской империи по аккультурации юнкеров-крестьян были по «достоинству» отмечены новой властью — большевиками. Так, А. В. Ганин отмечает, что «с учетом потерь, плена, ротации кадров и многочисленных переходов офицеров из лагеря в лагерь через Красную армию могли пройти около 100 тысяч бывших офицеров» [22, с. 50]. Это с учетом того, что к октябрю 1917 г. Русская армия — Революционная армия свободной России — насчитывала «от 307 до 320 тысяч офицеров, среди которых до 260 тысяч составляли офицеры военного времени» [22, с. 40].

Отмечены по «достоинству» — и в другом смысле. В результате массовых репрессий 1930-х гг. на службе в РККА осталось около 2 тыс. офицеров — «пролеткульт» создавал новые ценности, новые представления о советском офицере [22, с. 120].

Заключение. Меры военного руководства Российской империи по культурной адаптации (аккультурации) юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны заключались — по большей части и на примере Омска — в пунктах Инструкции «для юнкеров Омских школ подготовки прапорщиков пехоты». Одна из таких инструкций, относящаяся к 1916 г., сохранилась фрагментарно в рамках приказа по (1-й) Омской школе подготовки прапорщиков пехоты. Другая, относящаяся к осени 1917 г., ее анализ, позволяет сказать следующее. Изложенные в ней предписания направлены главным образом на сохранение воинской дисциплины и во многом могли бы соответствовать социальному составу отечественной армии более позднего периода — Советской армии (вторая половина XX в.).

Приведенное нами содержание двух характерных подразделов — «Соблюдение чистоты и опрятности», «Увольнение в отпуск» — в нашем случае тенденциозно и отражает существующие стереотипы. Приведенное количество откомандированных от школы (1-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты) с ее экстраполяцией на основную массу населения страны, значительную долю которого составляло крестьянство (4/5) позволяет говорить о достаточно высоком уровне крестьянской культуры, которая вполне могла соответствовать культурному уровню офицера военного времени начала XX в.

Исследование позволяет увидеть более глубокие, социально-культурные причины Революции 1917 г. Оно позволяет увидеть «исток и движущую силу» становления и развития новых отечественных армейских командно-административных кадров. Вместе с тем следует задать вопрос: насколько состоятельной была эта новая отечественная военная школа в профессиональном отношении (1920-е – 1930-е гг.)? В какой степени эти имплицитно существующие слои крестьянской культуры получили репрезентацию в «краскоме» — красном командире? В чем заключалась их положительная роль в становлении «краскома», советского офицера как военного профессионала?

Библиографический список

1. Волков С. В. Русский офицерский корпус. Москва: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49.
3. Кожевин В. Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: материалы Всерос. науч.-методолог. конф. учителей и работников высшей школы, г. Омск, 17–18 декабря 1998 г. Омск: ОМИПКРО, 1998. С. 71–83.
4. Марьяняк А. В. Инспекционные поездки по военно-учебным заведениям генерал-майора Б. В. Адамовича в 1915–1916 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. 2006. Вып. 7. С. 82–92.
5. Гефнер О. В. Образовательная и просветительная политика государства в отношении нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах городов Западной Сибири) // Вестник Омского университета. 2008. № 3 (49). С. 85–96.
6. Гефнер О. В. Военные и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. 2010. № 2 (56). С. 162–172.
7. Гефнер О. В. Обучение грамоте нижних чинов русской армии во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах городов Западной Сибири) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 4 (28). С. 24–33.
8. Бунин И. А. Окаянные дни // Полное собрание сочинений. В 13 т. Москва: Воскресенье, 2006. Т. 6. С. 275–382.
9. Клюев Н. А. Сочинения. В 2 т. [Мюнхен]: A. Neimanis, 1969. Т. 1. 571 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
11. Выдержки из донесений военному министру генерал-майора [Б. В.] Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Лито-типография «Умид», б. Харитонова, 1917. 95 с.
12. Исторический архив Омской области. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1.
13. Инструкция школ Петроградского военного округа для подготовки прапорщиков пехоты. Петроград: Военная типография императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба), 1916. 96 с.
14. Инструкция для юнкеров 2-й Московской школы подготовки прапорщиков пехоты. [Б. м.]: [б. и.], [б. г.]. 41 с.
15. Инструкция для юнкеров 4-й Московской школы подготовки прапорщиков пехоты. Москва: Типография 1-й Московской трудовой артели, 1916. 67 с.
16. Правила для обучающихся в школе прапорщиков Одесского военного округа. Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1914. 24 с.
17. Инструкция 1-й Казанской школы подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Лито-типография «Умид», б. Харитонова, 1917. 56 с.
18. Правила для руководства учеников школы прапорщиков при VI Армии. Петроград: Типография Э. Ф. Мекс, 1915. 124 с.
19. Правила для руководства юнкеров школы прапорщиков Северного фронта. Петроград: Типография Э. Ф. Мекс, 1916. 107 с.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 4. Д. 14.
21. Волков С. В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 5 (60). С. 34–45. DOI: 10.15382/sturII201460.
22. Ганин А. В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. Москва: Центрполиграф, 2019. 318 с.
23. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11119.
24. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9865.
25. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11125.
26. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9817.
27. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11257.
28. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 11058.
29. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9715.
30. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9886.
31. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9889.
32. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 12706.
33. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 9887.
34. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15889.

САБЛИН Александр Юрьевич, соискатель по кафедре отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск; лаборант кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.
SPIN-код: 9733-5027
AuthorID (РИНЦ): 1044122
Адрес для переписки: alsablin2014@yandex.ru

Для цитирования

Саблин А. Ю. Адаптация юнкеров-крестьян к условиям городской среды в годы Первой мировой войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 128–134. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134.

Статья поступила в редакцию 21.11.2021 г.
© А. Ю. Саблин

ADAPTATION OF CADETS-PEASANTS TO CONDITIONS OF URBAN ENVIRONMENT DURING THE FIRST WORLD WAR (ON THE EXAMPLE OF OMSK)

The military-revolutionary period in the history of Omsk (1914–1917) due to well-known events is one of the most relevant topics not only for academic specialists, but also for the general public. The purpose of this study is, using military anthropology, to characterize the measures of the military leadership of the Russian Empire for the cultural adaptation of cadets-peasants to the conditions of the urban environment (by the example of Omsk). The source base for the study are departmental reports, normative-instructional and clerical materials from the funds of the Russian State Military-Historical Archive and the Historical Archive of the Omsk Region. As a result of the study, it is found that the main measure for the cultural adaptation of the cadets-peasants is the instruction, which with «pedantic precision» regulated their «everyday life and duties».

Keywords: social adaptation, peasantry, military anthropology, World War I, officers, cadets, Omsk.

References

1. Volkov S. V. Russkiy ofitser'skiy korpus [Russian officer corps]. Moscow, 1993. 368 p. (In Russ.).
2. Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk] // *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal. Siberian Journal of Anthropology*. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. (In Russ.).
3. Kozhevnikov V. L. K istokam grazhdanskoy voyny v Sibiri: politicheskiye pozitsii yunkerov omskikh shkol praporshchikov v 1917 godu [To the origins of the civil war in Siberia: the political positions of the cadets of the Omsk schools of warrant officers in 1917] // *Grazhdanskiye voyny. Politicheskiye krizisy. Vnutrenniye konflikty. Istoriya i sovremennost'. Civil wars. Political Crises. Internal Conflicts. History and Modernity*. Omsk, 1998. P. 71–83. (In Russ.).
4. Marynyak A. V. Inspektsionnyye poyezdki po voyenno-uchebnym zavedeniyam general-mayora B. V. Adamovicha v 1915–1916 gg. [Inspection trips to military educational institutions of Major General B. V. Adamovich in 1915–1916] // *Voyenno-istoricheskiye issledovaniya v Povolzh'ye. Military-historical Research in the Volga Region*. 2006. Issue 7. P. 82–92. (In Russ.).
5. Gefner O. V. Obrazovatel'naya i prosvetitel'naya politika gosudarstva v otnoshenii nizhnikh chinov russkoy armii vo vtoroy polovine XIX–nachale XX v. (na materialakh gorodov Zapadnoy Sibiri) [Enlightenment and educational state policy in relation to enlisted men of Russian army in the second half of the 19th and at the beginning of the 20th century, (based on the materials of West Siberian Cities)] // *Vestnik Omskogo universiteta. Herald of Omsk University*. 2008. No. 3 (49). P. 85–96. (In Russ.).
6. Gefner O. V. Voyennyye i patrioticheskoye vospitaniye molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoye» dvizheniye v gorodakh Zapadnoy Sibiri [The military and the patriotic education of the youth at the beginning of the XX century: «poteshnoe» movement in the cities of the Western Siberia] // *Vestnik Omskogo universiteta. Herald of Omsk University*. 2010. No. 2 (56). P. 162–172. (In Russ.).
7. Gefner O. V. Obucheniye gramote nizhnikh chinov russkoy armii vo vtoroy polovine XIX–nachale XX v. (na materialakh gorodov Zapadnoy Sibiri) [Literacy training for the lower ranks of the Russian army in the second half of the 19th–beginning of the 20th century (on the materials of the cities of Western Siberia)] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. Bulletin of Omsk University. Series. «Historical Studies»*. 2020. Vol. 7, no. 4 (28). P. 24–33. (In Russ.).
8. Bunin I. A. Okayannyye dni [Cursed days] // *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 13 t. [Complete works. In 13 vols.]. Moscow, 2006. Vol. 6. P. 275–382. (In Russ.).
9. Klyuyev N. A. Sochineniya. V 2 t. [Works. In 2 vols.]. Munich, 1969. Vol. 1. 571 p. (In Russ.).
10. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.). V 2 t. [Social history of Russia during the Period of the Empire (XVIII–early XX centuries). In 2 vols.]. St. Petersburg, 2000. Vol. 1. 1548 p. (In Russ.).
11. Vyderzhki iz doneseniya voyennomu ministru general-mayora Adamovicha ob osmotre shkol podgotovki praporshchikov pekhoty [Excerpts from reports to the Minister of War, Major General Adamovich, on the inspection of schools for the training of warrant officers of the infantry]. Kazan, 1917. 95 p. (In Russ.).
12. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical Archives of the Omsk Region]. File: 197/1/1. (In Russ.).
13. Instruksiya shkol Petrogradskogo voyennogo okruga dlya podgotovki praporshchikov pekhoty [Instruction of schools of the Petrograd Military District for the training of infantry warrant officers]. Petrograd, 1916. 96 p. (In Russ.).
14. Instruksiya dlya yunkerov 2-y Moskovskoy shkoly podgotovki praporshchikov pekhoty [Instructions for the cadets

of the 2nd Moscow school for training infantry warrant officers]. 41 p. (In Russ.).

15. Instruktsiya dlya yunkerov 4-y Moskovskoy shkoly podgotovki praporshchikov pekhoty [Instructions for the cadets of the 4th Moscow school for training infantry warrant officers]. Moscow, 1916. 67 p. (In Russ.).

16. Pravila dlya obuchayushchikhsya v shkole praporshchikov Odesskogo voyennogo okruga [Rules for students at the school of warrant officers of the Odessa Military District]. Odessa, 1914. 24 p. (In Russ.).

17. Instruktsiya 1-y Kazanskoy shkoly podgotovki praporshchikov pekhoty [Instruction of the 1st Kazan school for training infantry warrant officers]. Kazan, 1917. 56 p. (In Russ.).

18. Pravila dlya rukovodstva uchenikov shkoly praporshchikov pri VI armii [Rules for the leadership of students of the school of ensigns at the VI Army]. Petrograd, 1915. 124 p. (In Russ.).

19. Pravila dlya rukovodstva yunkerov shkoly praporshchikov Severnogo fronta [Rules for the leadership of the cadets of the school of warrant officers of the Northern Front]. Petrograd, 1916. 107 p. (In Russ.).

20. Rossiyskiy Gosudarstvennyy Voenno-istoricheskiy Arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 1450/4/14. (In Russ.).

21. Volkov S. V. Vypusk ofitserov iz voyennykh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoy mirovoy voyny (analiz kolichestvennykh dannykh) [Promotion of officers from military colleges and schools of ensigns in the years of World War I (analysis quantitative data)] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University*. 2014. Issue 5 (60). P. 34–45. (In Russ.).

22. Ganin A. V. Russkiy ofitserkiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny. Protivostoyaniye komandnykh kadrov. 1917–1922 gg. [Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922]. Moscow, 2019. 318 p. (In Russ.).

23. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/11119. (In Russ.).

24. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9865. (In Russ.).

25. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/11125. (In Russ.).

26. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9817. (In Russ.).

27. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/11257. (In Russ.).

28. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/11058. (In Russ.).

29. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9715. (In Russ.).

30. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9886. (In Russ.).

31. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9889. (In Russ.).

32. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/12706. (In Russ.).

33. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/9887. (In Russ.).

34. RGVIA [RSMHA]. File: 408/1/15889. (In Russ.).

SABLIN Aleksandr Yurievich, Post-graduate Student of Russian History and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk; Laboratory Assistant of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 9733-5027

AuthorID (RSCI): 1044122

Correspondence address: alsablin2014@yandex.ru

For citations

Sablin A. Yu. Adaptation of cadets-peasants to conditions of urban environment during the First World War (on the example of Omsk) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7, no. 3. P. 128–134. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-3-128-134.

Received November 21, 2021.

© A. Yu. Sablin